

НАУКИ
О ЧЕЛЮ
ВЕКЕ

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

ИСТОРИЯ
ДИСЦИПЛИН

УДК 3
ББК 60
Н34

Текст монографии подготовлен при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2013 гг.

Рецензенты:

доктор философских наук, главный научный
сотрудник Института философии РАН *Н.С. Автономова*;
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории дискурса
и коммуникации филологического факультета МГУ *Т.Д. Венедиктова*

Науки о человеке: история дисциплин [Текст]: коллект. моногр. / сост. и
Н34 отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа
экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 651, [5] с. —
300 экз. — ISBN 978-5-7598-1209-8 (в пер.).

Коллективная монография посвящена анализу проблематики дисциплинарности, которая в XXI в. вновь активно привлекает внимание исследователей. В книге по-новому освещены вопросы преемственности в гуманитарных и социальных дисциплинах, перераспределение фундаментальных и прикладных сфер в этих областях, обмен идеями и концептуальными моделями между различными научными сообществами. Авторы исследования — ученые из России, Франции, США, Швеции и других стран — всесторонне раскрывают проблемы истории и социологии социогуманитарного знания, обращаясь к мало изученным ранее вопросам академической иерархии и механизмам вытеснения «миноритарных» направлений, явным и теньвым практикам закрепления приоритета тех или иных дисциплин и школ.

Издание адресовано широкому кругу исследователей — историкам, социологам, философам, культурологам, специалистам по науковедению, истории науки и истории идей, а также преподавателям высших учебных заведений и студентам гуманитарных специальностей.

УДК 3
ББК 60

ISBN 978-5-7598-1209-8

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт гуманитарных историко-теоретических исследований, 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Приложение © WarburgInstitute, 1950

Глава 4 © Duke University Press, 1999
Глава 10 © Duke University Press, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. <i>А. Дмитриев.</i> Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках.....	7
РАЗДЕЛ I. Порядки и структуры знания: от гуманизма к Просвещению	39
Глава 1. <i>П. Соколов.</i> Генеалогия метода в науках об историческом мире	41
Глава 2. <i>Ю. Иванова.</i> «История идей» и «гражданская наука»: границы дисциплинарности в раннее Новое время	53
Глава 3. <i>Н. Осминская.</i> Всеобщая наука, энциклопедия и классификация наук в ранней философии Г.В. Лейбница.....	74
РАЗДЕЛ II. Золотой век дисциплиностроительства	103
Глава 4. <i>Л. Дастон.</i> Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания	105
Глава 5. <i>П. Резвых.</i> Мифология как предмет и дисциплина в романтической <i>Altertumswissenschaft</i>	124
Глава 6. <i>В. Боярченков.</i> Наука русских древностей в первой половине XIX в.	157
Глава 7. <i>В. Берелович.</i> Морфология зачина: жанр предисловия к очерку русской истории (от Татищева к Багалею)	187
Глава 8. <i>М. Тисье.</i> Высококатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в.	207
Глава 9. <i>Г. Юдин.</i> Наукоучение Эдмунда Гуссерля и кризис теории разделения наук	240
Глава 10. <i>И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семёнов.</i> Российская социология в имперском контексте	263
Глава 11. <i>А. Ясницкий.</i> Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX в.	299

Глава 12. <i>А. Филиппов</i> . Советская социология как полицейская наука.....	330
Глава 13. <i>Р. Тоштендаль</i> . Дисциплины и специалисты в практических профессиях и в исследовательской деятельности (ок. 1850–1940 гг.).....	349
РАЗДЕЛ III. «После дисциплин» или новая дисциплинарность?.....	373
Глава 14. <i>Г. Юдин</i> . Социология профессий и социология как профессия.....	375
Глава 15. <i>Б. Степанов</i> . «Как беззаконная комета...»: культурные исследования в поисках академической идентичности	389
Глава 16. <i>И. Савельева</i> . Публичная история: дисциплина или профессия?.....	421
Глава 17. <i>В. Файер</i> . Академический сепаратизм: лингвистика и языкознание в Московском университете	452
Глава 18. <i>М. Дёмин</i> . Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России.....	483
Глава 19. <i>Р. Капелюшников</i> . Стратегии поведенческой экономики.....	508
Глава 20. <i>О. Кирчик</i> . Транснациональные иерархии и локальные порядки знания в экономике.....	543
Глава 21. <i>А. Дмитриев, О. Запорожец</i> . Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания»	569
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. А. Дмитриев.	600
ПРИЛОЖЕНИЕ. А. Момильяно. Древняя история и любители древностей (1950).....	604
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	649

ГЕНЕАЛОГИЯ МЕТОДА В НАУКАХ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МИРЕ

История дисциплинарного принципа в раннее Новое время тесно связана с двумя поистине тектоническими процессами в истории европейской интеллектуальной культуры, один из которых — экспансия в область гуманитарного знания *проблемы метода* — был безошибочно распознан и досконально изучен историками науки уже очень давно¹, в то время как другой — известный под именем *морализации модальностей* — сделался полноценным предметом исследований лишь в последние годы². И апология автономии метода в гуманитарных дисциплинах (прежде всего в истории, которую многие авторитетные теоретики, например Варфоломей Кекерманн, считали разделом логики), и валоризация моральной (исторической) модальности имели высшей целью разрешение *апории науки о контингентном* — достоверной и рациональной науки о мире исторического опыта, возникновение которой призвано было, в числе прочего, на радикально новых основаниях переопределить смысл и границы дисциплинарного принципа в гуманитарной сфере. То, каким образом помещение во главу угла модального принципа позволило привить частные дисциплины к стволу метафизики и вместо основанных на внешних принципах дисциплинарных классификаций создать модель «интегральной науки» (*corpus integrae sapientiae*), станет предметом нашего рассмотрения в следующем разделе; здесь же речь пойдет об эволюции на протяжении XV–XVII вв. эпистемологического статуса гуманитарного знания — эволюции, в результате которой одни гуманитарные дисциплины (история) добились автономии собственного метода, а другие (протестантская филология) и вовсе заявили притязание на обладание высшей достоверностью.

¹ Приведем лишь наиболее известные исследования: *Gilbert N. Renaissance Concepts of Method*. N.Y.: Columbia University Press, 1960; *Schmidt-Biggemann W. Topica Universalis*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1983; *Steiner B. Die Ordnung der Geschichte. Historische Tabellenwerke in der frühen Neuzeit*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2008.

² *Knebel S.K. The Renaissance of Statistical Modalities in Early Modern Scholasticism // The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700* / R.L. Friedman, L.O. Nielsen (eds). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003; *Struever N.S. Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 2009; *Ivanova J.V. Impersonality, Shame, and Origins of Sociality, Or Nova scientia ex constantia philologiae eruenda // Investigations on Giambattista Vico in the Third. New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia* / J.V. Ivanova, F. Lo-monoco (eds). Roma: Aracne, 2014. P. 109–122.

Одно из общих мест классической истории науки, впрочем, активно пересматриваемое в последние годы, состоит в том, что если до начала XVIII в. науки об обществе и истории оставались под пятой у метафизики, то уже с середины этого же столетия они попали в столь же безысходное рабство к естественным наукам. В такой трактовке те науки XVI–XVII вв., которые мы бы сейчас назвали гуманитарными, занимают место инертного, консервативного знания, чье развитие лишь следовало смене эпох в истории науки и само по себе не было способно инициировать парадигмальные трансформации в новоевропейской науке и философии. Основания для столь низкой оценки доновременного периода в истории гуманитаристики, разумеется, есть: так, в традиционной аристотелевской концепции науки — обладавшей, пожалуй, наибольшим влиянием на протяжении всего средневекового периода истории европейской интеллектуальной культуры — ни один из разделов гуманитарного знания формально не имел статуса науки (*scientia*), т.е. в соответствии со словоупотреблением того времени, аподиктического знания о вечных, необходимых и общезначимых истинах.

Разумеется, некоторые разделы гуманитарного знания, прежде всего грамматика и риторика, имели ряд атрибутов устоявшейся дисциплины: единое проблемное поле, устойчивую терминологию, дидактическую традицию, собственную институциональную территорию. Однако это не означает, что применительно к Средневековью можно говорить о «гуманитарных науках» в современном смысле: статус знания о таких «изменчивых и непостоянных объектах», как человеческие действия (*res gestae*), на протяжении всего этого периода оставался низким; причиной в значительной степени было суждение Аристотеля, в соответствии с которым «о случайном и единичном не может быть доказательства» (*Anal. post. I, 31 87b 19*), а предметом науки может быть лишь то, что присуще вещам необходимым образом. Философский авторитет Стагирита подкреплялся доктринальным авторитетом блж. Августина, который в своем сочинении «Восемьдесят три вопроса о различных предметах» предложил формулировку, превратившуюся в общее место средневековых рассуждений об эпистемологическом статусе истории: «Исторические истины таковы, что в них следует верить, но постичь их разумом невозможно»³.

³ «Существует три вида предметов веры. Первый вид — то, во что мы верим, но чего никогда не можем познать: такова история, охватывающая преходящие вещи и человеческие деяния. Другой — то, что мы познаем сразу вслед за тем, как уверуем в это: например, таковы все производимые людьми доказательства в науке о числах и в других дисциплинах. Третий — то, во что мы сначала верим, а впоследствии познаем это» (*Augustinus. De diversis quaestionibus octoginta tribus I, 48* // *Augustinus. Opera omnia. Vol. VI / J. Migne (ed.). P., 1867*).

Проблема статуса исторических истин в средневековой науке возникала порой в довольно неожиданных контекстах, к примеру, в дискуссии о возможности теологии как демонстративной науки, соответствующей критериям, сформулированным Аристотелем во «Второй аналитике». Проблема эпистемологического статуса теологии заключалась именно в том, что данная дисциплина включает в себя значительное число исторических истин, каковые относятся к предметам «единичным и преходящим». Разрешение этой апории — «не может быть науки о единичных вещах, однако теология занимается единичными вещами» (*scientia non est de singularibus; sed sacra doctrina tractat de singularibus*) — оказывалось возможным лишь благодаря тому, что исторические образы Священного Писания рассматривались как аллегории и символы вечных и непреходящих истин, каковые, безусловно, могли считаться предметом демонстративной науки. Это решение предложил Фома Аквинский (а вслед за ним и такие авторитетные схоластические учителя, как Ульрих Страсбургский и Генрих Гентский): исторические истины он низвел до уровня нравоучительных примеров, *exempla*, не относящихся к числу «необходимых положений» теологии⁴. Оппоненты св. Фомы, к примеру Петр Иоанн Оливи, справедливо указывали на разрушительные последствия предложенного им решения для самой теологии, ибо контингентные истины (такие, как сотворение мира или боговоплощение) составляют самое сердце христианского вероучения⁵. Однако ни категория исторического смысла (*sensus historicus*) в библейской экзегезе, ни понятие исторической истины (*veritas historica*) в историографии, ни *contingentia* в схоластической логике и метафизике не могли стать территорией формирования интегральной науки о социально-историческом мире. Не могла эта наука возникнуть и в лоне а- и антигеоретического гуманистического движения, принципиально не заботившегося о возведении *studia humanitatis* в ранг науки; конструктивные результаты критической работы гуманистов могли быть в полной мере использованы лишь позднее теми авторами, философские притязания которых не вызывают сомнений, — такими, как Петр Рамус (1515–1572) или Джамбаттиста Вико (1668–1744).

* * *

Роль Петра Рамуса в истории гуманитарной эпистемологии определяется прежде всего тем, что он, подвергнув радикальной ревизии аристотелевскую модель науки, существенным образом расширил область применения

⁴ *Thomas Aquinas. Summa theologiae. Ia. Q. 1. A. 2. Ad. 2.*

⁵ См.: *Piron S. Le métier de théologien selon Olivi. Philosophie, théologie, exégèse et pauvreté // Pierre de Jean Olivi — Philosophe et théologien / C. König-Pralong, O. Ribordy, T. Suarez-Nani (eds). Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. P. 50.*

способности суждения (*judicium*), включив в нее, в числе прочего, и историю. В рамках рамистской концепции анализа (*analysis ramea*) сферой деятельности суждения становится описание (*descriptio*), а не доказательство (*demonstratio*): тем самым, история — согласно распространенному в науке раннего Нового времени определению, представляющая собой «описание без доказательства» (*descriptio sine demonstratione*)⁶ — становится привилегированной *материей метода*⁷. Условиями возможности исторического метода у Рамуса были, во-первых, пересмотр аристотелевской иерархии достоверности аргумента, а во-вторых — экспансия метода за пределы оперирующей аподиктическими доказательствами *scientia* (напомним, что для таких авторов, как Варфоломей Кекерманн, невозможность собственного метода истории обосновывалась именно тем, что метод является «формой дисциплины»⁸).

Прежде всего, Рамус отверг традиционное, идущее от позднеантичного комментатора Аристотеля Александра Афродисийского, деление аристотелевой логики на аподиктическую, диалектическую и софистическую. По его мнению, такое деление игнорирует принцип гомогенности, соблюдение которого, согласно самому же Аристотелю, как раз является конститутивной чертой всякой науки. Рамус считает, что область необходимо истинных положений (наука) и область положений вероятных (мнений) не могут подчиняться разным принципам: у них должна быть единая логика — именно поэтому и не имеет смысла деление логики на аподиктическую и диалектическую. Этой тотальной логике Рамус предлагает вернуть ее древнейшее название — диалектика⁹. Он полагает, что диалектика отделилась от логики в результате того, что в логику стали включаться элементы риторики (что само по себе уже являлось нарушением принципа однородности дисциплины). Диалектика претерпела контаминацию с софистикой: «Когда к союзу разума и красноречия начали относиться с презрением и древний обычай

⁶ Определение Федора Газы из комментария к «Истории животных» Аристотеля, популярное среди европейских аристотеликов.

⁷ История «более прочего пригодна для того, чтобы представлять ее при посредстве искусства суждения» (*intra hanc artem [sc. judicium] commodissime continebitur*) — читаем мы в «Диалектике» 1543 г.

⁸ «Метода нельзя найти нигде, кроме как в дисциплинах, формой которых он и является. А коль скоро История — не дисциплина, то очевидно, что она не имеет и метода, т.е. собственной формы, отличной от форм иных дисциплин». Цит. по: Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. С. 221 (пер. В.Л. Иванова).

⁹ «Диалектика — это искусство правильного рассуждения; о Логике говорится в том же смысле» (*Petrus Ramus. Dialecticae libri duo. Spirae: Bernardus Albinus excudebat, 1591. P. 11*).

упражнять одновременно ум и язык был предан забвению, диалектика стала вотчиной Софистики и младенческой болтовни¹⁰, и присущее ей изначально достоинство «царицы и богини всех наук» оказалось утрачено. В то же время, различие логики и риторики, с точки зрения Рамуса, необходимо, потому что оно зиждется на фундаментальном различии основных способностей человеческой души:

От природы человек наделен двумя всеобщими и универсальными дарованиями: Разумом [Ratio] и Речью [Oratio], и наука Разума — это диалектика, а Речи — грамматика и риторика¹¹.

Реабилитация диалектического аргумента позволяла истории выйти из тупика: если наука не тождественна аподейксису, то и история может претендовать на статус дисциплины с не меньшим основанием, чем сама метафизика.

Еще одна важная для истории гуманитарной эпистемологии новация Рамуса заключается в том, что его метод служит для упорядочения и «прояснения» знания, а не для достижения аподиктической истины, как *scientia* аристотеликов. Центральный раздел рамусовой диалектики — суждение, продвигающееся от аксиом (соединение двух аргументов, или топосов, в субъект-предикатной конструкции) посредством силлогизма к собственно методу, т.е. «дианоие однородных аксиом». Главная функция суждения (аксиомы, силлогизма и самого метода) — не построение доказательства, а организация материала, расположение его в надлежащем порядке. Применение метода уместно и тогда, когда приходится иметь дело с «общезначимыми и необходимыми» аксиомами, и тогда, когда речь идет обо всех тех вещах, «о которых мы намерены учить легко и ясно», как выражается Рамус. Поэтому в «Диалектике» Рамус говорит об универсальной роли метода, который следует применять не только в умозрительных науках, но и в таких областях знания, как история, риторика, поэзия, — т.е. при чтении сочинений любых авторов, к какой бы сфере знания или практики их тексты ни принадлежали¹².

¹⁰ Ibid. P. 4.

¹¹ «Диалектика исследует все силы человеческого разума, направленные на постижение и упорядоченное расположение вещей; грамматика следит за соблюдением правил этимологии и синтаксиса в речи и на письме» (*Idem. Rhetoricae distinctiones in Quintilianum. P.: A. Wechelium, 1559. P.18*).

¹² «Метод может прилагаться не только к материи искусств и наук, но и к любым предметам, о которых мы намереваемся учить просто и ясно. Поэтому всякий раз, когда поэты, риторы, разного рода писатели предполагают научить чему-либо свою аудиторию, они желают действовать именно таким образом, хотя и не всегда вступают на этот путь и не всегда преуспевают на нем» (*Idem. Dialecticae libri duo. P. 101*).

Именно эта индифферентность метода к различению теоретической науки, искусств и разделов *studia humanitatis*, подобных истории, позволяла обосновать существенное расширение возможностей историографии. Во-первых, универсалистская трактовка метода сделала допустимым введение истории в новую «методологическую» модель науки наравне с теоретическими дисциплинами — такими, как философия, математика, физика, — потому что единство метода делало бессмысленным противопоставление «знания» и «доксы», «контингентного» и «необходимого», «доказательной науки» (*scientia demonstrabilis*) и уже упоминавшегося нами «описания без доказательства». Во-вторых, в историческом «материале» была открыта потенция к предметному упорядочению — к нахождению и применению метода в его освоении и при его изложении: история впервые предстала не только как последовательность событий или последовательность повествования о них, но и как система — *система общих мест*¹³.

Уравнивания топического аргумента в правах с аподейксисом было, однако, недостаточно для возведения истории в ранг науки: коль скоро, согласно Аристотелю, всякая наука должна быть об общем (*kat'holon*), в истории необходимо было найти универсалии. В гуманистической историографии такие универсалии, как ни парадоксально, были: это было возможно благодаря сращению истории и риторики. Этот синтез был выгоден обеим сторонам: риторы охотно обращались к истории, чтобы почерпнуть из нее нравоучительные примеры, *exempla*, а историки благодаря риторике обретали общие понятия, *universalia*, — согласно Аристотелю, необходимое условие любой науки. Риторическая историография гуманистов получала возможность внести порядок в историческую стихию, подводя события и действия людей под готовые этические категории. Так, в знаменитом предисловии к «Истории Фердинанда, короля Арагонского» Лоренцо Валлы апология истории строится на отождествлении универсалий и нравоучительных примеров; авторитету Аристотеля противопоставляется авторитет Цицерона, называвшего историю «наставницей жизни». Рассуждение Валлы имеет своей предпосылкой титанический проект по ревизии всей восходящей к Аристотелю традиции европейской метафизики¹⁴. Валла развенчивает базовые понятия философского языка Аристотеля—Порфирия—Боэция: 10 категорий, шесть трансценденталий, предикабилии объявляются лингвистическими фикциями, плодом варварского искажения языка¹⁵. Основой критического

¹³ См.: *Schmidt-Biggemann W. Topica universalis.*

¹⁴ Ревизия эта была осуществлена в первой книге «Перекапывания диалектики и философии» (*Lorenzo Valla. Repastinatio dialecticae et philosophiae, 1439*).

¹⁵ Подробнее о критике Валлой Аристотеля см.: *Nauta L. In Defense of Common Sense. Lorenzo Valla's Humanist Critique of Scholastic Philosophy. Harvard: Harvard University Press, 2009. P. 13–82.*

импульса Валлы была интуиция, деструктивный потенциал которой был соразмерен ее теоретической неопределенности: апелляция к реальности «как она есть». При этом под категорию реальности Валла подводит целый ряд разноприродных инстанций: лингвистический узус (*consuetudo, usus communis*), здравый смысл, историческую действительность.

Примечательно, что базовые категории аристотелианской метафизики и стереотипы риторической историографии суть, согласно Валле, два вида одного и того же заблуждения. И нравоучительные примеры (*exempla*) в ренессансной придворной парадной историографии, и категории, предикабилии и трансценденталии схоластов суть следствие проекции ментальных операций на действительный мир. Чисто мыслительные дистинкции, производимые адептами метафизики, — к примеру, отделение качества от субстанции, игнорирующее то обстоятельство, что в реальных объектах то и другое пребывает в неразрывном единстве (так, «белизна» может существовать лишь в белых предметах, а не сама по себе), — родственны способу работы с эмпирическим материалом ренессансных историков-гуманистов, предпочитающих описывать не конкретных персонажей, а моральные характеры — королей «вообще» или шутов «вообще» (*in genere*). Очевидно, что для Валлы эти историографические универсалии ничуть не более реальны, чем метафизические универсалии схоластов. Валла понимает универсальное не как общезначимое, а как типическое выражение аутентичного исторического содержания (в этом смысл учения Валлы о «вымышленных речах»¹⁶ — персонаж должен произносить речь не для того, чтобы преподнести нравственный урок, а для того, чтобы его речь отражала дух эпохи). Универсалии Валлы — это «голос самих вещей», своего рода автокомментарий исторических *imagines agentes*: суггестивное значение этих универсалий зиждется не на этической притягательности, а на аутентичности.

Инициированная Валлой ревизия статуса универсалий и, тем самым, аристотелевской науки в целом нашла продолжение в идее «науки о единичном» известного гуманистического писателя-цицеронианца Чинквеченто Марио Низолио (1488–1567). Низолио¹⁷ поставил цель соединить «перекапывание диалектики» Лоренцо Валлы, диалектическую логику Рудольфа Агриколы и номиналистическую критику реальности универсалий (*falsitas Universalium realium*) в рамках единой антиметафизической программы¹⁸.

¹⁶ О понятии вымышленных, или «сочиненных», речей (*orationes confectae*) у Валлы см.: *Janik L.G. Lorenzo Valla: The Primacy of Rhetoric and the De-Moralization of History // History and Theory. 1973. Vol. 12. No. 4. P. 389–404.*

¹⁷ В трактате «Об истинных началах и истинном основании философствования против псевдофилософов» (1553).

¹⁸ *Nauta L. False Friends. Semantics and Ontological Reduction // Renaissance Quarterly. 2003. Vol. 56. No. 3. P. 614.*

По мнению Низолио, «Валла обрубил ветви, но сохранил в неприкосновенности ствол» варварской философии схоластов. Валла оказался недостаточно радикален в своей критике: он сделал значительный шаг вперед, продемонстрировав исключительно знаковую, нерепрезентативную природу базовых категорий европейской метафизики (шести трансценденталий, пяти предикабиллий и десяти категорий), однако, во-первых, не довел до конца деконструкцию этих понятий (например, сохранив из аристотелевских категорий категорию действия), а во-вторых, не сумел на новых, неметафизических, основаниях сформулировать положительную задачу философии, каковой, согласно Низолио, является «постижение всех единичных вещей» (*comprehensio universorum singularium*), точнее — «одновременное постижение всех единичных экземпляров каждого рода». Соответственно, главной операцией во всех науках и искусствах должна быть не абстракция, а «философское и риторское схватывание» (*comprehensio philosophica et oratorica*), которое Низолио определяет так:

Операция или действие нашего интеллекта, посредством которого человеческий ум охватывает все единичные экземпляры каждого рода одновременно и разом и создает из постигнутого им все науки и искусства, а также строит рассуждения и разного рода доказательства¹⁹.

Строго говоря, «схватыванию» Низолио в схоластике соответствует первая операция интеллекта, т.е. «постижение простых содержаний», а вовсе не абстрагирование; единичная же вещь занимает место не универсалии, а понятия или, в риторико-диалектической традиции, аргумента. Критика Низолио бьет мимо цели — однако нам важна не справедливость предъявляемых им аристотеликам аргументов, а его собственная «теория науки». Согласно Низолио, коль скоро в природе нет ничего, кроме единичных вещей и состоящих из них множеств, предметом интеллекта должно быть именно единичное, а не химерическая универсалия: к примеру, медик постигает не универсальный нерв, а в одномоментном акте схватывает все множество нервов.

В то же время беспроblemность конструкции науки у Низолио основана на одной предпосылке: он полностью игнорирует историческое измерение социального мира — его «обновленная философия» не принимает в расчет существенную историчность человеческого существования. В значительной степени именно по этой причине *scientia de singularibus* Низолио оказалась несоразмерна проекту интегральной науки о социально-историческом мире, которая была призвана объединить в себе филологию, историю, герменевтику, риторику и «политику» в новом, возникающем именно в раннее Новое

¹⁹ *Nizolio M. De veris principiis et vera ratione philosophandi contra pseudophilosophos. Libri IV / Q. Breen (a cura di). Roma: Fratelli Bocca editori, 1956. P. 80.*

время, смысле этого слова. Неслучайно поэтому автор, заложивший основания гуманитарной эпистемологии в своей «новой науке», недвусмысленно понимаемой как история, — Джамбаттиста Вико — полностью игнорирует номиналистическую критику метафизики и без колебаний повторяет слова Аристотеля схоластов: «Наука должна быть об универсалиях» (*scientia debet esse de universalibus*)²⁰. Именно динамическое отношение между «Вечной Идеей» мира человеческих наций и эмпирическим субстратом социальной жизни, а вовсе не статичное и недифференцированное множество единичных вещей, станет у Вико предметом его «новой науки».

В нашем анализе предьстории гуманитарной эпистемологии, основными этапами которой были, в избранной нами оптике исследования, постулирование единства метода у Рамуса, критика аристотелевских категорий с позиций неуловимой «реальности» у Валлы и реабилитация «науки о единичном» у Низолио, мы остановились на пороге барочных «гражданских наук» (*scientiae civiles*), воплотивших притязание на создание индифферентной к дисциплинарному принципу интегральной науки об историческом мире. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению *scientiae civiles*, нам следует остановиться на противоположной тенденции в ранненовоязычной теории науки: эту тенденцию мы могли бы охарактеризовать как своего рода *дисциплинарный монизм* или, иначе, как претензию некоторых частных наук на *метадисциплинарный статус*.

* * *

В раннее Новое время структура дисциплинарного поля кажется едва ли не более ригидной, чем даже в классический период истории науки, — виной тому классифицирующий дискурс, господство которого утверждается в классицистическую эпоху, и большая строгость критериев дисциплинарной демаркации. Кристаллизации дисциплинарных границ способствовал целый ряд «внешних» факторов: расцвет — благодаря книгопечатанию — визуальных способов представления материала, экспансия пространственной метафоры в «массовой» научной литературе эпохи (*индустрия loci communes*), дихотомическое строение науки, пристрастие к классификациям и схемам, одним словом, все то, что принято называть геометризацией картины мира и рождением «пространственного воображаемого» (*spatial imagery*) в научном мышлении модерна. Жесткость дисциплинарных схем, в которых смешивались рамистские и аристотелевские критерии классификации, существенно деформировала те «гуманитарные» содержания, которые предполагалось

²⁰ «Следующие Положения, с V по XV, дающие нам основания Истины, служат нам для рассмотрения этого мира наций в его Вечной Идее, так как именно таково свойство каждой науки, указанное Аристотелем: *Scientia debet esse de Universalibus et Aeternis*» (*Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. А.А. Губера. М.: Ирис; Киев: REFL-book, 1994. С. 80*).

вписать в их прокрустово ложе. Отсюда дробная специализация и синкретический характер тех гуманитарных «дисциплин», которым авторы барочных энциклопедий отводили место на задворках своих *opera magna* (в разделах с характерным названием «смеси дисциплин»), отсюда же и странное соседство этих дисциплин с такими экзотическими на наш современный вкус разделами знания, как табакология, проэмиография (наука о написании предисловий) и парадоксология. Парцелляция поля гуманитарного знания была обусловлена, разумеется, не только жанровыми особенностями барочной энциклопедии: свойственный дисциплинам филолого-герменевтического цикла в эпоху Высокой критики (да и позднее) демонстративный отказ от «теории» в пользу «техники» имел следствием их самоизоляцию и тщательную заботу о неприкосновенности своей территории от внешних посягательств (прежде всего, со стороны философов). В действительности, однако, вызывающий эмпирический изоляционизм филолого-герменевтических дисциплин и их сосредоточенность на технике в ущерб «теории» сами по себе предполагали очень важное эпистемологическое решение. Более того, «эрудитская» наука раннего Нового времени подчас выступала с чрезвычайно радикальными эпистемологическими притязаниями. Некоторые протестанты-апологеты критического искусства заходили так далеко, что считали возможным произвести принцип предельной достоверности — по образцу картезианского «незыблемого основания достоверности» (*fundamentum inconcussum*) — непосредственно из филологического принципа аутентичности.

Протестантская филология являет нам пример дисциплинарного интервенционизма «нового типа», т.е. такой дисциплинарной экспансии, образцом которой уже в Новое время можно считать, скажем, встретившую дружный отпор со стороны философов и логиков экспансию психологии в период хрестоматийно известного «спора о психологизме» (*Psychologismusstreit*) конца XIX — начала XX вв. Филология — в рассматриваемый период дисциплина с развитым самосознанием, жестко структурированным концептуальным аппаратом, логически обоснованной автономией и достаточно агрессивной стратегией поведения — начинает претендовать на то, чтобы занять место философии в обосновании единства гуманитарного знания. Рост «метафизических» притязаний филологии особенно отчетливо можно увидеть на примере библейской критики.

В протестантском богословии были заложены потенции к созданию полностью автономной концепции науки, опирающейся на собственный «несокрушимый фундамент». Этим «фундаментом» у таких авторов XVI в., как Джон Уитакер, стало положение о боговдохновенности Писания, обладающее статусом «не подлежащей доказательству аксиомы»²¹, которая имеет ту же функцию, что начала для всех наук и искусств (*quaenamodum*

²¹ См.: *Van Den Belt H. The Authority of Scripture in Reformed Theology: Truth and Trust. Leiden: Brill, 2008. P. 123.*

artes suis principiis nituntur). Термин *axioma anapodeikton* у кальвинистских богословов отсылает ко вполне определенным античным текстам — прежде всего, «Комментарии к Первой книге “Начал” Евклида» неоплатоника Прокла, греческий текст которого был издан в 1533 г. другом и корреспондентом Кальвина гуманистом Симоном Гринеем. Как полагал современник Уитакера, Антуан де ля Рош Шандье, из этой первой аксиомы о боговдохновенности Писания все остальные положения могут быть аподиктически выведены: «В Священном Писании нет ни одного места (*locus*), которое не обосновывалось бы первым положением: все места Писания получают свою силу от первой аксиомы»²². Позднее, в середине XVII столетия, Лодевейк Мейер, нидерландский эрудит и близкий друг Спинозы, отождествит *axioma anapodeikton* кальвинистов и «несокрушимое основание достоверности» Рене Декарта.

Однако для нас важно то, что *самоочевидность* (*αὐτοπιστία*) для авторов популярных протестантских учебников общих мест, таких, как Уильям Уитакер или А. де ла Рош Шандье, отождествляется в самом буквальном смысле с *аутентичностью* текста: для того чтобы найти основание достоверности, следует обратиться к самой древней версии Библии. Именно этот текст должен стать нормой толкования и разрешения всех богословских трудностей. Уитакер в полемике с тридентскими защитниками авторитета Вульгаты отождествлял самоочевидность (*αὐτοπιστία*) и аутентичность (*αὐθεντία*)²³. Этой позиции придерживались многие очень авторитетные протестантские богословы, например Франциск Гомар, полагавший, что только оригинальные еврейские и греческие тексты могут считаться «самоочевидными» в том же смысле, в каком мы говорим о самоочевидности геометрических аксиом. Известный эрудит и издатель авторитетнейшего в Республике ученых журнала «Acta eruditorum» Жан Леклерк приводит выдержки из канона некоей общины гельветских (т.е. швейцарских) протестантов, обращенные против нечестивых критиков, которые дерзают исправлять масоретскую Библию посредством Септуагинты, говорить об исторической изменчивости библейского текста или предполагать, что помимо масоретской версии Библии были еще и другие. За карикатурным образом швейцарских фанатиков стоит в действительности оппозиция конкурирующих эпистемологических принципов. Возведенному в абсолют принципу филологической аутентичности гельветские варвары-«аллоброги», как окрестил их Леклерк, лишь придали догматическое значение. Многие гуманистические филологи склонны были ставить филологию на место философии. Именно с этих позиций эрудиты отваживались бросить вызов новой философии — так, сын

²² Ibid. P. 124.

²³ Ibid. P. 126.

Исаака Казобона Мерик объединял в причудливый союз Бэкона с его эмпиризмом и Декарта с его критикой, полагая, что именно они ответственны за наступивший в его время (т.е. в конце 1660-х годов) упадок гуманизма. О таких филологах с философскими амбициями еще Галилей писал в письме к Кеплеру:

Этот род людей полагает, будто философия — это такая книга, на манер Энеиды или Одиссеи, и что истина может быть найдена не в мире и не в природе, а в коллациях текстов (пользуясь их собственным языком)²⁴.

Впрочем, протестантские филологи-критики так и не смогли доказать философам пользу обращения к истокам; использование же философских методов как логико-технических средств интерпретации текста было слишком очевидно механическим и внешним, на что пронизательно указал Бенедикт Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате» (1670). Неудача предпринятой адептами «священной филологии» попытки отождествить смысл — базовую категорию гуманитарного знания — и филологическую аутентичность продемонстрировала невозможность построения гуманитарной эпистемологии из перспективы одной дисциплины, какими бы значительными ни были достигнутые ею критические успехи (разоблачение «Константинова дара», герметического корпуса и многое другое) и сколь ни была бы велика мощь ее методологического инструментария. «Монистская» модель интеграции гуманитарного знания потерпела неудачу. Словно в наказание за гордыню филология претерпела внутренне разделение: одна ее часть, эрудитское «пересчитывание слогов», превратилась в специализированную дисциплину (*Fachwissenschaft*), предшественницу немецкой «геллертерской» филологии, в то время как другая, образовав синтез с философией, сделалась основанием гуманитарной эпистемологии — «нового критического искусства», при этом пожертвовав, однако, дисциплинарной автономией. Но это произошло уже позднее: Джамбаттиста Вико в письме к Леклерку от 18 октября 1723 г. описывает все ту же диспозицию, которую мы могли наблюдать на протяжении всего XVII столетия: есть философы, убежденные во всемогуществе своего метода и потому совершенно игнорирующие историю, литературу и право, — и филологи, так привязанные к древним текстам, что считают преступлением малейшее отступление от их буквы²⁵. И кто же, как не он, мог поставить столь неутешительный диагноз: ведь именно Вико стал тем человеком, который, создав подлинно *новое* критическое искусство, сумел положить конец этой «странной войне».

²⁴ Цит. по: *Grafton A. Defenders of the Text: The Tradition of Scholarship in an Age of Science, 1450–1800.* Harvard: Harvard University Press, 1994. P. 2.

²⁵ *The Correspondence of Giambattista Vico, Jean Le Clerc, and Others, Concerning the Universal Right // Universal Right / G. Pinton, M. Diehl (transl and eds).* Amsterdam: Editions Rodopi B.V., 2000. P. 725.

«ИСТОРИЯ ИДЕЙ» И «ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА»: ГРАНИЦЫ ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В раннее Новое время — эпоху, бывшую, согласно *opinio communis* исследователей, временем чрезвычайно интенсивной (хотя и не совсем схожей с привычной нам) дисциплинарной специализации, — были созданы также и первые последовательные альтернативы дисциплинарному принципу в гуманитарных науках. Понятие дисциплины применительно к раннему Новому времени может порождать различного рода аберрации, в особенности если принять (ошибочно) в качестве точки отсчета универсальные и бесконечно изменчивые классификации дисциплин в духе «Энциклопедии» И.Г. Альстеда, отражающие не столько «складки» барочного дисциплинарного ландшафта, сколько пансофические утопии их создателей-миллениаристов. Термин «дисциплина» в этих многотомных сочинениях представляет собой лишь омоним по отношению к соответствующему понятию в Новое время. Однако предпосылка, из которой исходим мы в настоящем исследовании, состоит в том, что в XVII в. можно с полным правом говорить о процессе обретения некоторыми областями знания «дисциплинарного самосознания» — логически обоснованной автономии предмета и метода (*disziplinäre Verselbstständigung*, по выражению Арно Зайферта), а иногда и собственной институциональной ниши.

В предыдущей главе мы проследили историю становления гуманитарного метода — от критики схоластической метафизики Лоренцо Валлой и апологии «науки о единичном» у Марио Низолио до создания «новой науки» исторического опыта у Джамбаттисты Вико. Теперь же наша задача иная: мы предполагаем сделать предметом рассмотрения отношение между этим проектом интегральной — и оттого принципиально наддисциплинарной — науки о социально-историческом мире (*scientia civilis, scienza nuova* у Вико) и дисциплинарной матрицей, кристаллизация которой, как в гуманитарной, так и естественно-научной сфере происходит *grasso modo* в этот же период. Именно в раннее Новое время — эпоху барокко и раннего Просвещения — формируется оппозиция, сопровождавшая историю дисциплинарного принципа в гуманитарных науках на всем протяжении его

истории. На одном полюсе этой оппозиции — «политика блестящей изоляции» специальных дисциплин, предпосылкой которой выступает именно незыблемость дисциплинарных границ, на другом — проект «гуманитарной эпистемологии», помещающий науки о социально-историческом мире «по ту сторону» дисциплинарного принципа. Противоречивые тенденции присвоения и взаимного непризнания порождали в интеллектуальном пространстве раннего Нового времени разнообразные коллизии как когнитивного, так и социологического порядка, среди которых одна из наиболее любопытных — возникновение терминологических омонимов. Наиболее, пожалуй, репрезентативный пример этой омонимии — «история идей», с самого возникновения своего в конце XVII столетия оказавшаяся в зазоре между историей философии как специальной дисциплиной и «гуманитарной эпистемологией». Другой, может быть, более известный пример — политика, дисциплинарное оформление которой происходит одновременно с возникновением универсалистских «гражданских наук», подобных *scientia civilis* Томаса Гоббса. Представляется, что отношения между гуманитарной эпистемологией и *Fachdisziplinen* в раннее Новое время лучше всего можно было бы исследовать именно на примере этих «дисциплинарных псевдоморфоз» — эволюции разделов «гражданских наук», омонимичных эстаблированным дисциплинам. В настоящем очерке мы сосредоточимся на концепции «истории идей» и «гражданской науки» у Джамбаттисты Вико — одного из самых знаменитых оппонентов дисциплинарного принципа на рубеже Нового времени. Подобное исследование поможет нам на репрезентативном примере проследить противоречивое взаимодействие двух тенденций: дисциплинарной парцелляции и интеграции научного знания под эгидой философии (в случае Вико — христианско-платоновской метафизики).

* * *

Ранненовоявременная «история идей» оказывается превосходным индикатором, отражающим ключевые трансформации дисциплинарного принципа в преддверии высокого модерна. Прежде всего, «история идей» — наряду с антропологией, герменевтикой, статистикой и многими другими «новыми науками» — представляет собой новообразование, отражающее необыкновенную интенсивность процесса дисциплиностроительства в XVI — начале XVIII в. Изобретателем термина был крупнейший представитель протестантской критической истории философии Иоганн Якоб Брукер (1696–1770) — одно из первых его сочинений озаглавлено «История философского учения об идеях» («*Historia Philosophicae Doctrinae de ideis*»; в первом издании 1719 г. — «Опыт введения в историю логического учения об идеях» («*Tentamen Introductionis in Historiam Doctrinae logicae de Ideis*»)).

«История идей» Брукера не появилась, разумеется, ex nihilo. Общие истории философии и истории отдельных философских течений (sectae) создавались в XVII столетии по всей Европе. Свой вклад в историзацию философии внесла популярная концепция «универсальной истории» (historia universalis); самый известный ее представитель, редактор «Сокровищницы исторического искусства» (1679) Кристоф Милеус недвусмысленно утверждал, что «все роды наук произошли из истории и поэзии» (ex historia et poesia omnia doctrinarum genera dimanasse). Немаловажную роль в успехе истории философии сыграли принципы организации знания, получившие повсеместное распространение благодаря барочной энциклопедии: по удачному выражению Дональда Келли, рождение интеллектуальной истории — не что иное, как историзация энциклопедии¹. Г. Бюде, автор «Элементов инструментальной философии» (1697), полагал, что всякий философ должен быть историком, а Бернар Лами в «Беседах о науках» (1684) высказывал мнение, что преподавание истории философии могло бы стать обязательным для всех. Впрочем, эти пожелания были актуальны лишь для его родной Франции: в Северной Европе, в Германии и Нидерландах история философии была возведена в ранг университетской дисциплины, хотя и пропедевтической — соответствующий предмет преподавался в качестве введения к естественным наукам. Помимо институциональной ниши история философии обретает в начале XVIII столетия и представительство в периодической печати: один из виднейших представителей дисциплины, К.А. Хойманн, на протяжении шести лет с 1715 по 1721 г. издавал в Галле специализированный журнал «Acta Philosophorum, das ist gründliche Nachrichten aus der Historia Philosophica», устроенный по образцу знаменитых лейпцигских «Acta eruditorum».

Однако история философии не была лишь одной специальной дисциплиной наряду с другими — ее притязания состояли в том, чтобы стать одновременно историческим и теоретическим фундаментом всего корпуса человеческих знаний. Воплощением этой тотализирующей претензии стала философия эклектизма, вновь открытая для ранненовременной Европы Юстом Липсием и Иоганном Герхардом Фоссием. Событие это, столь важное для интеллектуальной истории ранненовременной Европы, произошло почти случайно: в силу целого ряда совпадений вышло так, что в издании Диогена Лаэртция от 1657 г., подготовленном одним из виднейших представителей барочной эрудитской филологии, Фоссием, глава о секте эклектиков оказалась последней. Тем самым, согласно Фоссию, эклектическая школа как бы подводила итог развитию античной философии. Фаво-

¹ Kelley D.R. History and the Encyclopedia // The Shapes of Knowledge: From the Renaissance to Enlightenment / D.R. Kelley, R.H. Popkin (eds). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 19.

ризирующая исторический подход история идей декларативно отказалась от систематического принципа в философствовании; так, анонимный автор «Жизнеописаний Древних философов» (1702) пишет:

Этот [исторический — Ю. И.] метод предпочтительнее того, который из множества сочинений формирует Общую Систему философии, цитируя без всякого порядка то одни, то другие фрагменты².

Соединение теоретических амбиций и критической установки по отношению к любой системе, притязающей на обладание «завершающим видением», характерное для эклектиков, было унаследовано и Якобом Брукером. Брукер видел в своей «истории идей» вариант истории философии, главным предметом которой являются «чистые идеи» (*idee purae*). Именно к Брукеру восходит классическая «перспективистская» версия истории знания, одним аспектом которой является кантианская «история философии а priori», а другим — история *units of knowledge* Артура Лавджоя. В модели Брукера оказались собраны в одном фокусе история индуктивных наук, история философии и критическая модель рациональности, традиционно ассоциируемая с фигурой Декарта. Протестантская критическая версия истории идей у Брукера явным образом противостояла ренессансной парадигме *prisca sapientia*, усматривавшей истоки философского знания в мудрости Зороастра, Моисея и Гермеса Трисмегиста. Опираясь, с одной стороны, на разоблачительные открытия Исаака Казобона, а с другой — на эпистемологический фундамент индуктивных наук, Брукер последовательно разграничил религиозную мудрость (*sapientia*) древних и рациональную философию (*philosophia*), отвечающую позитивно-научным критериям³. Критический импульс Брукера стал кульминационным пунктом в развитии традиции, восходящей к авторитетному протестантскому теологу-аристотелику Христиану Томазию; ближайшим же источником для Брукера следует, по-видимому, считать «Историю нравственной философии» Николая Иеронима Гундлинга. В значительной степени потому, что институционально история философии в немецких землях была вводной частью курса по натурфилософии и естественным наукам, образцом для Гундлинга стала «История медицины» Даниэля Леклерка, брата знаменитого филолога и творца «критического искусства» (*ars critica*) Жана Леклерка. Объединение

² «This method, as I take it, is preferable to that of culling one General Systeme of philosophy out of all their writings, and to quoting them by scraps scattered here and there» (*The Lives of the Ancient Philosophers*. Newborough; L.: printed for John Nicholson, at the King's Arms in Little Britain and Th., 1702).

³ *Blackwell C. Thales Philosophus: The Beginning of Philosophy as a Discipline // History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / D.R. Kelley (ed.). N.Y.: The University of Rochester Press, 1997. P. 62.*